

А. А. КОСТИН

«ВОЗЗРИ НА ЛИШЕННОГО РАССУДКА...»

(«Дневник одной недели»
как гносеологический опыт А. Н. Радищева)

Одним из самых загадочных моментов в научной литературе об А. Н. Радищеве представляется мне тот факт, что в большинстве исследований, посвященных «Дневнику одной недели», затрагивается не столько проблема его художественной специфики, сколько проблема датировки.¹ Споря о том, когда же был написан «Дневник», называя даты от 1773 до 1802 г., исследователи зачастую забывают отвечать на вопрос, какова природа этого произведения, в каком литературном контексте оно должно рассматриваться и, в конце концов, на несколько наивный вопрос, без ответа на который, однако, невозможна интерпретация литературного произведения: «о чем оно?»² Это недостаточное внимание к художественной специфике «Дневника» тем более удивительно, что текст этот никогда, по сути,

¹ Ср. названия, по сути, исчерпывающего списка исследований на русском языке, специально посвященных «Дневнику», появившихся до недавнего времени: Кулакова Л. И. О датировке «Дневника одной недели» // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 148—157; Гурьянов В. П. Еще раз о дате «Дневника одной недели» Радищева // Вестник Московского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. 1960. № 1. С. 57—60; Галаган Г. Я. Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке // XVIII век. Л., 1977. Вып. 12. С. 67—71; Лазарчук Р. М. «Дневник одной недели» А. Н. Радищева: к проблеме датировки // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 75—84.

² Следует отметить появившиеся в последнее время исследования, посвященные собственно художественной природе произведения: Baudin R. 1) Espace et intimité dans le journal miniature d'Alexandre Radichtchev // Poétique de la miniature. Mélanges offerts au Professeur André Monnier. Paris, 2009; 2) Le Journal d'une semaine d'Alexandre Radichtchev ou le temps vrai du sentimentalisme russe // Cahiers slaves. 2009; Чекурина Н. Е. Дневниковая форма «Дневника одной недели» А. Н. Радищева // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. Сб. статей региональной науч. конф. Чебоксары, 2008. С. 197—202.

не рассматривался как аутентичный, не обработанный художественно дневник — даже в тех случаях, когда на его основании делались те или иные выводы биографического характера. Несмотря на то что именно как художественное произведение будет рассматриваться «Дневник» и в этой статье, я не считаю вопрос о возможной подлинно-дневниковой его природе не заслуживающим внимания. Мне представляется возможным, что он может исследоваться в контексте той исповедальной дневниковой литературы, что создавалась в кругах европейских масонов и мистиков и предполагала последовательную и искреннюю фиксацию малейших, в том числе и неприглядных, житейских событий и прежде всего — душевных переживаний автора.³ Вопрос этот требует специального рассмотрения; мне хотелось бы отметить только одно обстоятельство, кажущееся немаловажным при решении вопроса о соотношении фиктивности и документальности в «Дневнике». Поскольку мы не располагаем автографом и даже списками, немаловажным является контекст первой публикации «Дневника» сыновьями писателя в «Собрании оставшихся сочинений». «Дневник» помещен в четвертой части издания.⁴ В первой было собрано поэтическое наследие Радищева; во второй и третьей опубликован философский трактат «О человеке»; в четвертой помещены (называю в порядке публикации) — отрывок «Ангел тьмы» (набросок к неосуществленной поэме о Ермаке), «Дневник одной недели», «Памятник дактилохорейческому витязю» и «Описание моего владения». Как видно, «Дневник» появляется здесь в отчетливо литературном и художественном окружении. В пятой части «Собрания» было помещено «Житие... Ушакова», в шестой «и последней» — «Краткое повествование о приобретении Сибири» и «Письмо о китайском торге». Все эти сочинения я перечисляю так подробно, чтобы специально отметить — в «Собрании» не помещена одна значительная радищевская рукопись, имеющая отчетливо подлинно-дневниковый характер, по-видимому, имевшаяся в распоряжении сыновей,⁵ — это записки путешествия в Сибирь и из Сибири. Все эти обстоятельства вместе, как мне кажется, говорят о том, что во всяком случае с точки зрения сыновей Радищева «Дневник одной недели» был не личным документом, но имел художественную природу, относясь к части «сочинений».

Возвращаясь к разговору о заявленном выше предмете статьи — «о чем» был написан «Дневник», позволю себе вкратце на-

³ См., например: *Зорин А. Л.* Поход в бордель в Москве в январе 1800 года (Шиллер, гоноря и первородный грех в эмоциональном мире русского дворянина) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 4 (92). С. 142—157; образец подобного дневника из круга А. Ф. Лабзина см. в настоящем сборнике в публикации материалов к биографии А. П. Хвостовой.

⁴ *Радищев А. Н.* Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. М., 1811. Т. 4. С. 9—26.

⁵ ОПИ ГИМ. 1 2/16.

помнить, что он собой представляет. Это совсем небольшое сочинение, содержащее не более 1600 слов, построенное в форме дневника человека, оставшегося в одиночестве в городе, в то время как те, кого он называет «друзьями» (в словоупотреблении Радищева это могут быть и друзья в собственном смысле слова, и родственники, например сыновья, родители, жена с детьми, возлюбленная с сестрой и т. д.), так вот, эти «друзья» уезжают в какое-то не слишком, по-видимому, удаленное место, предполагая вернуться через неделю. Все мысли автора дневника обращены к этому будущему возвращению, причем он с первого дня без видимых оснований задается вопросом: а вернутся ли «друзья» вообще. Фиксирующиеся день за днем изменения в душевном и физическом состоянии автора, его попытки развеять тоску по ним составляют все содержание дневника. Когда неделя проходит, автор выезжает на городскую заставу, чтобы встретить там друзей, но они не приезжают. Он окончательно решает, что они отказались от него, и думает сам уехать, куда глаза глядят, однако в момент, когда он почти уже выезжает со двора, «друзья» возвращаются.

Как нетрудно заключить из этого сжатого пересказа, сюжет в «Дневнике» по большому счету отсутствует. Здесь ничего не «происходит» в смысле сюжетного хода, связной последовательности событий: герой идет на службу, возвращается со службы, спит, скучает на обеде, гуляет, попадает в театр, где смотрит «Бeverley» Ж. Сорена, выходит и, задумавшись, сталкивается на улице с запутавшимися лошадьми, снова спит, чувствует себя расслабленным, отказывается идти на службу, принимает скучного гостя, читает, мучится бессонницей, посещает кладбище, катается в коляске по городу, опять спит, занимается приготовлением встречи, спит, едет на заставу встречать друзей, не встречает их, через несколько дней решает уехать. Всё. Я пересказал сейчас без изъятия все внешние «действия», описанные в дневнике; совершенно очевидно, что действия эти во многом случайны и не составляют из себя никакой закономерной последовательности. К этому следует прибавить еще, что в «Дневнике» сведено к минимуму присутствие в событиях людей помимо его автора: собственно, такой персонаж появляется только один раз, о нем специально сообщается только, что он скучен; ни в этом, ни тем более в других местах нельзя найти разговоров.

Таким образом, не случайно «Дневник» пользуется славой психологического очерка: о внутренних переживаниях рассказчика здесь сообщается значительно больше, чем о его внешней жизни. К сожалению, большинство исследователей до сих пор не шло дальше простой констатации наличия в «Дневнике» психологизма. Между тем без описания природы этого психологизма вряд ли возможна интерпретация произведения: в конце концов, если оно целиком посвящено описанию душевного состояния, то как можно рассуждать о нем, не ответив на вопрос, что это за состояние.

Мне кажется слишком грубым и социологизированным предложенное Г. А. Гуковским и в течение долгого времени распространенное мнение о том, что здесь описываются печальные следствия одиночества, которым должна быть противопоставлена активная гражданская позиция.⁶ Вряд ли можно видеть в «Дневнике», как это делает, например, Таня Пейдж,⁷ описание человека, близкого к самоубийству: мысль о нем смутно проскальзывает только в одном месте дневника и тут же отбрасывается автором. Несомненно, верным является наблюдение Г. Я. Галаган, показавшей, что психические состояния героя «Дневника» составляют определенный сюжет, строящийся вокруг веры и сомнения в приезде друзей;⁸ О. М. Гончарова верно замечает, что развитие этого сюжета приводит к «утрате своей антропологической сущности». Своеобразный итог имеющихся взглядов на природу «Дневника» привела Р. М. Лазарчук, замечаящая: «Исследователи уже неоднократно обращали внимание на горечь и сомнение, отравляющие дружбу, на страшное и, на первый взгляд, непонятное страдание, с которым переживается неделя <...> повергающая героя в безумие, мучительные галлюцинации, мысли о смерти и самоубийстве».⁹

Несмотря на то что работа, где появляется это суждение, посвящена преимущественно датировке «Дневника», очень ценным в ней мне кажется одно слово, проговаривание которого, на мой взгляд, принципиально важно для понимания художественной природы «Дневника». Слово это — «безумие».

Начнем с того, что поведение — вернее переживания и мышления героя «Дневника» — вполне совпадают с тем, как описывалось сумасшествие в конце XVIII в. (в качестве сравнительного материала мною использованы издания по медицине, психиатрии и психологии, издававшиеся в это время в Европе).¹⁰ Приведу вна-

⁶ «Руссо уводит своего читателя прочь из мира, заявляя о возможности и праве человека искать счастье в самом себе <...>. Радищев старается дать психологические доводы несостоятельности теории уединения <...>. В противоположность этому, он выдвигает принцип „общезительства“» (*Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956. С. 160—161*); «Открытие Другого — одно из важнейших достижений антропологии Руссо <...>. Его же можно наблюдать и в радищевском „Дневнике одной недели“: его герой исследует себя и приходит к заключению, что один, без друзей, он — ничто, вплоть до утраты своей антропологической сущности» (*Гончарова О. М. Власть традиции и новая Россия в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004. С. 155*).

⁷ *Page T. Diary Of One Week: Radishchev's Record of Suicidal Despair // Russian Literature Triquarterly. 1988. Vol. 21. P. 117—127.*

⁸ *Галаган Г. Я. Герой и сюжет...*

⁹ *Лазарчук Р. М. «Дневник одной недели» А. Н. Радищева... С. 78.*

¹⁰ Основным референтным материалом послужили книги, изданные на английском, немецком и французском языках в Европе в 1770—1800-е гг. в Европе, предоставляемые сервисом Google books; в общей сложности просмотрено более 100 изданий.

чале пример из самого Радищева. В своем философском трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», показывая, что телесное и психическое в человеке составляют две различные сущности, он приводит среди прочих и такой аргумент: «Возри на лишенного рассудка, возри на беснующегося. Ты скажешь, что душа ничтожествует в них, что нет ее <...>. Но наблюдай шествие его мысли. Пораженный единою идеею, он все относит к ней, все к ней прилепляет; он не так судит о вещах, как оне ему представлялися, наследование его мысли не сходствует с чувствованиями, их родившими; он все сочетает новым порядком, все наклоняет под властвующую над ним мысль. Се беснование его! судит же сам».¹¹ Итак, сумасшедший — это человек, все свои мысли подчиняющий рассуждениям об одной идее, что приводит его к неверным рассуждениям, но между тем не лишает способности мыслить («судит же сам»). В таком понимании сумасшествия Радищев не был одинок: мы можем найти его в трактатах, активно им использованных при написании своего «О человеке». Так, в «Опыте о человеческом разуме» Дж. Локка можно найти такую характеристику сумасшествия: «Сумасшедшие <...> не потеряли способности рассуждать, но, соединив некоторые идеи совершенно неверно, они ошибочно принимают их за истины и заблуждаются подобно людям, которые рассуждают верно, но исходят из ложных принципов. Силой собственного воображения приняв собственные фантазии за реальности, они делают из них верные выводы. <...> Потому и случается, что человек очень трезвый и здравомыслящий во всех других отношениях в чем-нибудь одном может быть таким же неистовым, как и обитатель Бедлама, если вследствие неожиданного и чрезвычайно сильного впечатления или продолжительного сосредоточения своего воображения на одного рода мыслях в его уме несвязные идеи скрепляются вместе так прочно, что остаются соединенными».¹² Здесь, таким образом, представлены те же основные моменты в описании безумия: фиксация на одной идее, заблуждение как итог; при этом специально отмечается, что сумасшедший не теряет способности рассуждать.

Такое понимание сумасшествия можно в полной мере, как кажется, приложить к содержанию «Дневника одной недели». В первый же день его герой восклицает: «О, возлюбленные мои! вы меня оставили», и с тех пор все его поведение, все его мысли посвящены только одному: решению вопроса о том, вернутся ли друзья или нет. С точки зрения этого вопроса он оценивает обед в доме знакомых, свою службу, пьесу в театре, этот вопрос освещает в один из дней классическую кладбищенскую медитацию, и т. д. Хотя никаких поводов к тому, чтобы заключить, что друзья не вернутся, действительность

¹¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 117.

¹² Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 210.

ему не доставляет, ощущение одиночества, а наконец — неприезд в назначенный день заставляют автора дневника решить, что друзья от него отреклись. В последней дневниковой записи, используя синтаксический параллелизм и фонетические созвучия, Радищев показывает, насколько разошлись между собой воображение героя и реальность. Завершая свои рассуждения, герой заявляет: «Простите; вероломные, простите, бесчувственные, — простите... Куда едешь, несчастный? Где может быть блаженство, если в своем доме его не обретаешь? — Но я оставлен, — но я один, один — один!..» Трижды повторенное «один, один, один», выражающее окончательную победу ложной идеи над рассудком, находит параллель в последних словах «Дневника», отражающих реальное положение дел: «Карета остановилась, — выходят. — о радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..»¹³ Эта фонетическая и синтаксическая соотнесенность: «один, один — один» и «возлюбленные! Они!.. Они!..», подчеркивающая сосуществование реальности и неверной ее оценки, заставляет думать, что финал «Дневника» — возвращение друзей — вовсе не должен оцениваться как традиционный «хэппи-энд». Впервые за весь текст «Дневника» перед героем оказываются не его домыслы и фантазии, а реальность. Оказывается, что десять дней герой шел по пути заблуждения и зашел достаточно далеко. По сути, читая дневник, мы (словами радищевского трактата) «наблюдали шестие мысли лишенного рассудка».

Приведенное рассуждение о том, почему «Дневник» можно считать повестью о безумии, может показаться натянутым. Действительно, та характеристика безумия, которой я воспользовался, будучи взятой из гносеологических сочинений, трактующих о значительно более высоких материях, носит слишком общий характер. Между тем, если обратиться к сочинениям конца XVIII в., касающимся непосредственно душевных болезней, окажется, что это общее наблюдение о безумии не только в них повторяется, но — более того — соответствует определенному типу безумия, характеризующемуся рядом симптомов, большинство из которых можно встретить и у героя «Дневника». Имя этого типа безумия — меланхолия.

Так, Филипп Пинель, влиятельнейший психиатр конца XVIII в., один из героев книги М. Фуко «История безумия в эпоху просвещения», в своей важнейшей книге «Трактат о безумии» начинает выстраивание систематики типов безумия с меланхолии, говоря о ней так: «Симптомы, в целом приписываемые понятию „меланхолия“, следующие: молчаливость, задумчивый и погруженный в себя вид, мрачные подозрения и тяга к одиночеству <...>. Меланхолики часто поглощены единственной идеей, к которой они непрестанно обращаются в своих разговорах и которая, кажется, притягивает

¹³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.: Л., 1938. Т. 1. С. 144.

все их внимание».¹⁴ Эта особенность — привязанность к одной определенной идее, характеризующая все содержание «Дневника» — переходит из одного медицинского трактата в другой; так, то же можно найти у критикуемых Пинелем его предшественников. Например, в «Методологической нозологии» Франсуа де Соважа в начале описания меланхолии читаем: «Меланхолики суть те, что неотрывно прикованные к одной какой-нибудь мысли бредят о себе и своем состоянии, при том что обо всех остальных предметах рассуждают совершенно здраво. Те же, что страдают от опьянения (vertige), звона в ушах (tintement d'oreille) и помутнения рассудка (berlue), не привязаны твердо к одной идее, и заблуждения их происходят не от мозга, а от расстройства органов чувств, и этим-то они отличаются от меланхоликов».¹⁵ Подобные примеры можно множить до бесконечности. Но дело не только в общем определении. Герой «Дневника» обнаруживает себя меланхоликом и в мелочах. Что мы знаем о его физическом состоянии — о том, что могло бы быть названо симптомами?

Он долгое время до начала действия «Дневника» стремился к одиночеству: «усладительная тишина! вожделенное уединение! у вас я некогда искал убежища; в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне теперь несносны!»¹⁶ Он много «скитается по городу без всякого намерения».¹⁷ Он грустит в веселой компании. Он чувствует беспорядок в мыслях: «На одном часе сто родится предприятий в голове, сто желаний в сердце, и все исчезают мгновенно».¹⁸ Он впадает в телесную расслабленность: «Я в такой почти был бесчувственности, что если бы мне пришли возвестить, что комната, в которой я лежал, скоро возгорится, то я бы не шевельнулся».¹⁹ Он теряет аппетит. Мучится бессонницей. Посещает кладбище.

Если рассмотреть эти симптомы, то окажется, что каждый из них в философской и медицинской литературе XVIII в. оказывается связанным с меланхолией. Так, неоднократно можно встретить указания на то, что стремление к уединению может стать причиной меланхолии и являться одним из основных ее симптомов. Помимо приведенной уже выше цитаты из Пинеля: «Симптомы, в целом приписываемые понятию „меланхолия“, следующие <...>

¹⁴ Pinel P. A Treatise on Insanity, in which Are Contained The Principles of a New and More Practical Nosology of Maniacal Disorders / Trans. D. D. Davis. Sheffield, 1806. P. 136, 141.

¹⁵ «Les mélancoliques sont ceux qui, constamment attachés à une pensée, sont en délire sur eux-mêmes & sur leur état, tandis qu'ils raisonnent à propos sur tous les autres objets» (*Sauvages F. B. Nosologie méthodique...* Paris, 1771. Vol. 2. P. 727).

¹⁶ Радлицев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 144.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 140.

¹⁹ Там же. С. 141.

тяга к одиночеству», можно привести также и другие свидетельства. Так, Д. Юм в трактате «О человеческой природе», использованном Радищевым при написании собственного трактата «О человеке» замечает: «Люди, находящие удовольствие в декламациях против человеческой природы, указывают на тот факт, что человек не в состоянии удовлетворяться самим собой и что, если ослабить всякую его связь с внешними объектами, он тотчас же впадает в глубочайшую меланхолию и в отчаяние. Отсюда, говорят они, проистекает постоянная погоня человека за развлечением в игре, в охоте, в делах; таким способом мы стараемся забыться и вывести наши жизненные духи из того расслабленного состояния, в которое мы впадаем, едва только эти духи перестают поддерживать какая-нибудь сильная и живая эмоция. Я согласен с указанным образом мыслей».²⁰ Здесь стоит отметить указываемое Юмом и находящееся у многих медицинских сочинениях соображение о том, что лучшее средство от меланхолии — различные развлечения или сосредоточенность. Напомню, что окончательный душевный перелом у героя «Дневника» происходит после того, как он перестает гулять, посещать собрания и — наконец — решает не идти на службу. Примеров из литературы конца XVIII в. тому, что одиночество ведет к меланхолии, можно приводить множество; ограничусь еще одним. Иоганн Циммерманн в сыгравшем в свое время немалое значение, в том числе и в литературе, сочинении «Об одиночестве» (*Über die Einsamkeit*) специально посвящает один раздел исследованию одиночества как источника меланхолии. Здесь сообщается: «Беспричинное и бесконтрольное стремление к одиночеству является одним из наиболее частых и несомненных симптомов меланхолии». Так же как и у Юма, Циммерманн высказывает соображение о том, что основное лекарство от меланхолии — развлечения: «Людам меланхолического склада следует как можно чаще внушать мысль о том, что в жизни можно встретить множество развлечений <...> следует поощрять их к тому, чтобы от расстраивающего их предмета они переходили к надеждам о другом, более легко достижимом <...>. Если избрать другой подход и позволить измотанному сердцу отказаться от всяческих занятий, хлопот и удовольствий, сосредоточиться на жалобном страхе или горьком разочаровании <...> то такой человек все глубже будет погружаться в отчаяние, пока <...> терзания души не прекратятся безумием или смертью».²¹

Так же как синдром и как причина меланхолии в конце XVIII в. была известна излишняя привязанность к ходьбе. Так, уже упоминавшийся автор «Методологической нозологии» Ф. Соваж выделяет отдельный тип меланхолии: «блуждающую меланхолию»

²⁰ Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 487—488.

²¹ *Zimmermann J. H. Solitude considered with respect to its dangerous influence upon the mind and heart. London, 1798. P. 156—158.*

(*melancholie vagabonde*), которую описывает следующим образом: «...больной не может ни часа находиться спокойно в одном месте, что-то заставляет его ходить туда и сюда, не осознавая, где он находится. Самый пугливый из всех меланхоликов, он бежит от общества, гуляет ночью по кладбищам и заброшенным местам. Он не знает, ни куда идет, ни чего ищет, ни чего хочет».²²

Таким образом, и с точки зрения отдельных симптомов мы также можем говорить о герое «Дневника» как о меланхолике. Такую же характеристику можно ему дать, и если посмотреть на то, как он сам описывает свое душевное состояние. Основные выражения, которые мы здесь встретим, — «скорбь» («где искать мне утешения, хотя мгновенного, моей *скорби*?»; «все *скорбь* твою на челе твоём узрят»; «Может быть, моя *скорбь* умалится?», а также «грусть» («*Грусть* моя, преследуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное приветствие благопристойности», «подивитесь, скука разогнала несколько мою *грусть*»). Особой интенсивности описание этого состояния достигает в один из последних дней перед окончательным нравственным переломом: «Ничто не помогает, — *уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние! но на что толико грустить?*» Все эти понятия — скорбь, грусть, уныние, беспокойство, отчаяние — в конце XVIII в. неразрывно были связаны с понятием меланхолии. Так, почти все они встречаются в стихотворении Н. М. Карамзина 1800 г. «Меланхолия»:

О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоя приятнее всего
Но осень бледная <...>
Когда, освобождаясь от ига тяжких мук
Несчастный отдохнет в душе своей *унылой*
С любовьию ему ты руку подасшь.²³

Не менее показательны примеры европейских синонимических словарей. Если «Словарь Академии Российской» толкует «меланхолию» через слово «задумчивость»,²⁴ то, например, в «British synonymy» Гестер Пьюцци уделяет специальную статью следующему синонимическому ряду: «*dismal, gloomy, melancholy, sorrowfull, dark*», о котором говорится, что это «слова, вызывающие поток

²² «Le malade ne peut demeurer tranquile l'espace d'une heure, il est forcé d'aller, çà ou là, sans savoir où il est: plus timide de tous les mélancoliques, il fuit la société; il se promene la nuit dans les cimetières. et dans les lieux abandonnés; il ne sait ni où il va, ni ce qu'il cherche, ni ce qu'il veut» (*Sauvages F. B. Nosologie méthodique...* P. 734).

²³ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 259.

²⁴ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. От М до Р. Стлб. 84.

скорбных идей».²⁵ Во «Французских синонимах» Пьера Рубо читаем: «Меланхолик находится в состоянии изнеможения и тоски. Его печаль угрюма и беспокойна».²⁶ Так что можно сказать, что и описан герой «Дневника» в выражениях, приличествующих описанию меланхолии.

Наконец, приведу еще один довод в пользу того, что история, описанная в «Дневнике одной недели», может быть историей меланхолии. В цитированных сочинениях, как и в тех, что остались за рамками статьи, содержится немало рассказов о том, как люди впали в безумие и меланхолию. Следует сказать, что кратковременный отъезд друзей вовсе не является среди них самым распространенным. Между тем и подобный пример возможно найти. В «Анатомии меланхолии» Бёртона приведено несколько десятков возможных причин меланхолии; среди них указывается и такая, как смерть друга. В этом разделе Бёртон говорит: «...у многих меланхолия возникает после пиршества, празднества, веселой встречи или какой-нибудь приятной забавы, если они случайно окажутся в одиночестве или предоставлены самим себе без какого-либо занятия, развлечения или обычных своих собеседников; у некоторых это вызвано единственно только отъездом друзей, хотя они вскоре вновь их увидят, тем не менее они плачут, стенают и глядят им вслед <...>. Монтан <...> упоминает об одной своей соотечественнице, которая, расставшись со своими друзьями и родными местами, впала на долгие годы в мучительную меланхолию <...>. При расставании же друзей одно только их отсутствие способно оказать столь неистовое воздействие, какое оказывает смерть».²⁷

Как кажется, совокупность приведенных данных показывает, что «Дневник одной недели» может рассматриваться как рассказ о человеке, пребывающем во всяком случае на грани безумия, и уж, безусловно, человека этого можно назвать меланхоликом.

Хочется сделать еще одно замечание. Я не зря начал свое рассуждение о безумии в «Дневнике» с очень общего контекста гносеологических трактатов. Несомненно, говорить о безумии в «Дневнике» можно только в этом — широко толкуемом — смысле. Герой «Дневника» не представляет собой медицинского клинического случая больного меланхолией из тех, что описывали цитировавшиеся врачи. Он не считает себя королем Франции, не подписывается «Христос», не полагает, что у него стеклянная голова. Он просто задается одним — сомнительным с точки зрения морали — вопросом: а верны

²⁵ *Piozzi H. L.* British synonymy; or an attempt at regulating the choice of words in familiar conversation. London, 1794. Vol. 1. P. 157.

²⁶ «Le mélancholique est dans un état de langueur & d'anxiété: sa tristesse est morne & inquiete» (*Roubaud P. J. A.* Nouveaux synonymes françois. Paris, 1785. T. 3. P. 170).

²⁷ *Бёртон П.* Анатомия меланхолии. М., 2005. С. 574—575.

ли ему друзья, и, не имея возможности отказаться от размышлений над ним, приходит к совершенно ложному, расходящемуся с реальностью ответу.

«Дневник», на мой взгляд, написан Радищевым как зримый образец путей человеческого заблуждения, основная проблематика его — гносеологическая. Герой Радищева — ученый-философ (в первый же день он сообщает о себе, что до начала действия «Дневника» он часто искал уединения, и в нем «разум преследовать тшился истине»). И вот он, этот философ, поддавшись страсти и меланхолии — неизбежному следствию искомого им одиночества, — теряет рассудок и едва ли не человеческий облик. Логика «Дневника» как гносеологического исследования повторяет, по сути, структурную логику трактата «О человеке»: отдавая наш разум и наши знания о мире исключительно нашим чувствам (а чувства — зрение, слух, и т. д. — бесстрастно раз за разом сообщают герою, что друзей сейчас рядом нет), мы вынуждены отказать в объективном существовании таким неощутимым явлениям, как существование души или любовь и верность друзей; явлениям, без признания которых человек перестает быть человеком и становится всего лишь «гордым насекомым».

Описания пограничных состояний сознания, тем более описания, созданные в форме рассказа от первого лица, — случай, в русской и европейской литературе XVIII—начала XIX в. не слишком распространенный. Прочтение «Дневника одной недели» вырывает его, как кажется, из того вакуума в контексте истории русской литературы, в котором он до сих пор находился. Полагаю, «Дневник одной недели» вполне может занять заслуженное место, и не только по праву первородства, в ряду таких шедевров, как «Дневник сумасшедшего» Н. В. Гоголя, ряд сочинений Достоевского, «Красный цветок» Гаршина, «Палата № 6» Чехова или «Школа дураков» С. Соколова.